

XXXVI г.

№ 10

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг «Сборника», содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. Н. Шеллера-Михайлова, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 № № «Парижских мод» и 12 листов чертежей и выкроек.

Выданъ 12 марта 1905 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

1905

Цена этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № предлагается: «Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова» книга 25.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ... **6 р. 50 н.** Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ И. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи. **7 р. 25 н.** Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. «ОБРАЗОВАНИЕ», Риндзевская, 12. **7 р. 50 н.** Съ достав-кою въ Пе-тербургъ... **7 р. 50 н.** Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи... **8 р.** За гра-ницу. **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ «Нивы» 1905 г. со всѣми приложениями, — еще ПЕРВЫЯ 20 книгъ соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенныя въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПБ.—**9 р.**; въ Москвѣ у И. Печковской—**10 р.**; 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. «Образование» — **10 р. 25 н.** СЪ ДОСТАВКОЮ въ СПБ.—**10 р. 50 н.** СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ — **11 р.** За границу—**15 руб.**

Этюдъ Ф. Ленбаха, авт. «Нивы».

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

Курманаевъ съ ненавистью смотрѣлъ на него, а когда экипажи сравнялись и Чибисовъ уже машинально приподнялъ-было руку къ своей желтенькой соломенной шляпѣ съ голубой ленточкой, старый маіоръ громко и сердито фыркнулъ, презрительно выпятилъ губы, отчего стрые усы его поднялись къ самому носу, и демонстративно отвернулся.

Экипажи разѣхались.

— Вотъ въ чемъ дѣло, того... — началъ онъ, прикладываясь къ рукѣ встрѣтившей его хозяйки. — Извините... обезножилъ... при-ѣхалъ... дѣло... положимъ, пустяки... но главная причина... вотъ въ чемъ дѣло, того...

И онъ, по-своему, отрывисто и не совсѣмъ связно мотивировалъ свой приѣздъ какимъ-то вымышленнымъ предлогомъ по хозяйственной части.

«Этотъ вотъ гораздо солиднѣе, — думала Нина Сергѣевна, слушая лаконичное бурканье отставного маіора. — Этотъ лучше бы могъ помочь».

И когда Егоръ Капитоновичъ спросилъ: «а гдѣ же Константинъ Федоровичъ», дѣлая видъ, что онъ и не знаетъ объ отсутствіи молодого хозяина, Нина Сергѣевна вздохнула, не вытерпѣла и сообщила ему свое горе.

— Главная въ томъ бѣда, — говорила она: — что ничего-то я не знаю: и что это за купцы та-

кис? и что за невеста? Повѣрите ли, просто голову потеряла!

— Вотъ въ чемъ дѣло, того...—забурчалъ маіоръ:—сѣздить надо... разузнать... разнюхать...

— Да какъ же я поѣду-то теперь, когда полевая работы въ самомъ разгарѣ!

— Итъ, зачѣмъ вамъ ѣхать!.. Вамъ нельзя... Другой сѣздить... толковый человѣкъ... серьезный... чтобъ умно... главная причина, безъ огласки...

Маіоръ уже догадался, зачѣмъ приглашали сюда Чибисова и поворотивъ ему подставить ножку.

— Да кто же другой-то?—съ дѣланнымъ простодушіемъ спросила Нина Сергѣевна.

— Я бы сѣздить... съ удовольствіемъ... одна сухота—вотъ если бы...

— Что «если бы»?

— Да вотъ... главная причина... огородъ у меня... аренду... горохъ... мальчишки... подрѣзать... присмотрѣть... Вотъ въ чемъ дѣло, того... Если бы вы своего огородника... на нѣсколько дней, пока въ отлучкѣ... присмотрѣть...

— Что-жъ, Егоръ Капитоновичъ, я своего огородника съ удовольствіемъ отпущу присмотрѣть за вашимъ дѣломъ. У меня теперь и подручный управится, если-бы вы только взяли на себя любезность сѣздить,—сдалась Нина Сергѣевна.

А Курманаеву только этого и нужно было. Онъ сразу повеселѣлъ, быстро всталъ съ мѣста и заговорилъ уже гораздо связнѣе.

— Ну, вотъ и отлично! Ну, вотъ и отлично! Завтра же и поѣду! Рано утромъ выѣду, а съ вечернимъ парходомъ по Волгѣ. Гостиница «Римъ». Знаю. А огородника нельзя ли мнѣ сегодня же съ собой захватить. Дѣло большое. Аренда, знаете! Рискъ. Опасаюсь.

И черезъ полчаса Курманаевъ ѣхалъ уже въ своей бричкѣ домой, увозя съ собою воротниковскаго огородника.

Нина Сергѣевна смутно чувствовала, что она заварила какую-то кашу, но что изъ этой каши выйдетъ, она и предположить не могла.

А передъ вечеромъ къ ней новый гость заѣхалъ. Это былъ Николай Васильевичъ Тополевъ.

Пріѣхалъ онъ, собственно, не къ ней, а къ Константину Федоровичу и, узнавъ, что тотъ вотъ уже около недѣли уѣхалъ въ губернской городъ, былъ не мало изумленъ этимъ.

— А я, знаете, завтра рано утромъ самъ туда ѣду, такъ вотъ и заѣхалъ спросить, не будетъ ли отъ васъ или отъ Кости какихъ-нибудь порученій,—объяснялъ онъ причину своего пріѣзда.

Нина Сергѣевна не вытерпѣла, расплакалась и сообщила ему о своемъ горѣ.

— Николай Васильевичъ! Вѣдь, вы его другъ! Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ—другъ!—говорила она сквозь слезы.—Поѣжайте, голубчикъ! Присмотрите тамъ за нимъ! Спасите его! Вѣдь, онъ, знаете, какой у меня неопытный! Долго ли до фальшиваго шага! А вѣдь сдѣлаешь, ужъ не поправится!

— Хорошо! Хорошо, Нина Сергѣевна!—успокаивалъ Тополевъ.—Будьте увѣрены, до фальшиваго шага я его не допущу!

— На васъ вся и надежда! Васъ только одного развѣ и послушаетъ! Подумайте только! На купеческой дочери! Развѣ мало у насъ здѣсь своихъ дворяночекъ?—заключила она свою просьбу и затѣмъ, вытеревъ глаза, спросила:—А сами-то вы, батюшка, зачѣмъ въ губернской городъ ѣдете?

— Да кое-какое дѣльце есть. А, главное, женину кузину встрѣтить. Она къ намъ гостить пріѣзжаетъ,—сказалъ Тополевъ, усаживаясь уже въ коляску.

«Женину кузину? Женину кузину?»—повторяла Нина Сергѣевна про себя, глядя вслѣдъ удалявшемуся эки-

пажу.—Гостить сюда ѣдете! Говорили—хорошенькая, и съ характеромъ».

И вдругъ сердце ея заняло нуще прежняго.

А на другой день вечеромъ, на маленькой пристани, приткнувшейся къ крутому берегу Волги, сразу сѣхалось четыре потылицца. Былъ тутъ и жизнерадостный Павелъ Ивановичъ Чибисовъ, сопровождаемый цѣлымъ штатомъ мужской и женской прислуги; былъ тутъ и угрюмый Егоръ Капитоновичъ Курманаевъ, съ ненавистью поглядывавшій на своего «пузатого» соперника, и элегантный Николай Васильевичъ Тополевъ, для потѣхи старавшійся стравить двухъ конкурентовъ. А передъ самымъ отходомъ парохода, подѣхалъ докторъ Юрій Андреевичъ Лыкошинъ, блѣдный, больной, то и дѣло кашлявшій, но съ какимъ-то лихорадочно-возбужденнымъ лицомъ и съ ярко горѣвшими глазами.

Наскоро поздоровавшись со своими знакомыми, онъ прошелъ въ рубку готового отчалить парохода и въ сотый разъ принялся перечитывать письмо, полученное имъ отъ Никешки Слюзина.

XXII.

Для Константина Федоровича наступилъ критическій моментъ: нужно было дѣлать предложеніе, а какъ? Не слишкомъ ли и въ самомъ дѣлѣ скоро? Не разсѣется ли Людмила надъ его скороснѣлой любовью?

Въ тотъ день, когда онъ завтракалъ съ Полтиннымъ и получилъ отъ него предварительное согласіе, онъ Людмилы не видалъ. Прямо послѣ завтрака онъ поѣхалъ къ себѣ въ гостиницу спать, и спалъ до вечера. А потомъ до поздней ночи гулялъ одинъ по бульвару и все обдумывалъ, и чѣмъ больше обдумывалъ, тѣмъ жутче ему становилось. Одна мысль: «а вдругъ откажется?»—заставляла его содрогаться. Онъ ужъ теперь ясно сознавалъ, что влюбленъ въ Людмилу по уши и жить безъ нея не можетъ.

«И такъ скоро! Такъ скоро!»—повторялъ онъ мысленно слова, которыя Людмила ему можетъ сказать при объясненіи.

На слѣдующій день онъ получилъ отъ Полтиннина лаконическую записку:

«Нынче вечеромъ милости просимъ къ намъ въ ложу».

«Ну, вотъ тутъ-то я ей все и скажу»,—подумалъ онъ, рѣшивъ непремѣнно идти въ театръ.

Но до вечера было много времени, и онъ не зналъ, какъ убить его. Пошелъ гулять по бульвару, но одному было уже скучно.

«Хоть бы Юаншова встрѣтить!»—думалъ онъ, тоскливо поглядывая по сторонамъ.

Но и того, какъ на зло, не было. А на обратномъ пути, у самаго подъѣзда гостиницы, онъ встрѣтился со старикомъ Слюзинымъ, хотѣлъ-было увильнуть отъ него, да не удалось. Иванъ Никифоровичъ такъ и вѣхнулся въ Воротникова.

— Долго ли еще здѣсь прогостите-то?—закричалъ онъ, хватая за руки Константина Федоровича.

— Не знаю. Какъ дѣла,—неопредѣленно отвѣтилъ Воротниковъ.

— А какія дѣла-то?

«А, чортъ!»—чуть не вслухъ выругался Воротниковъ и ничего не отвѣтилъ.

— А у меня-то! У меня-то сухота какая! Никешка-то мой! Артачится! «Я, говоритъ, тятенька, о женитьбѣ и въ помыслахъ не имѣю». А ужъ его тамъ такъ принимаютъ! такъ принимаютъ! Ублажаютъ, одно слово! Вчера Людмила Ларіоновна обѣдала его къ себѣ пригласила, а сегодня, слышь, вечеромъ въ ложу къ себѣ въ театръ позвали. А онъ, какъ пентюхъ—ни тпру, ни ну! Ну, да я такъ мекаю, присмотрится да разогрѣется. Такъ, что ли, а?

И выпустивъ изъ рукъ лацканъ пальто Воротникова, Слюзинъ отскочилъ назадъ и весело захихикалъ.

Константинъ Федоровичъ какъ-то отбѣлся отъ него и прошелъ къ себѣ въ номеръ.

«Что же это значитъ?—думалъ онъ.—Обѣдала съ нимъ... въ ложу пригласила! Неужели докторъ правъ? Что за ерунда? Она и Никеша Слюзинъ? Его жена? Да этого и представить себѣ нельзя! Нѣтъ! Сегодня же сдѣлаю предложеніе».

И онъ, переодѣвшись, поѣхалъ въ театръ.

Пріѣхалъ онъ, какъ и въ первый разъ, слишкомъ рано. Публики почти еще никого не было, но первый, кто съ нимъ встрѣтился, былъ Никеша Слюзинъ.

«Соперникъ!»—злбно усмѣхаясь, подумалъ про себя Воротниковъ и съ ногъ до головы измѣрилъ взглядомъ приближавшагося къ нему юношу.

Жиденькая, нестройная фигурка Никеша, его скромный узкій сюртучокъ и бѣлая фуражка на головѣ были въ эту минуту для Константина Федоровича прямо-таки отвратительны.

«Этакій-то! Этакій-то! Заморыш! Полуграмотный мальчишка! И тоже, смѣетъ претендовать! Но какъ ее понять? Ее? Почему она имъ интересуется?»—думалъ онъ.

А Никеша уже подошелъ къ нему совсемъ близко и, протягивая руку, тихо проговорилъ:

— Здравствуйте, Константинъ Федоровичъ! И вы въ театрѣ?

— Почему же это вы думаете, что только одни вы можете быть здѣсь?—почти рѣзко проговорилъ Воротниковъ.

Никеша удивленно и почти испуганно взглянулъ на него.

— Нѣтъ, я ничего, я такъ,—смѣнавшись, отвѣтилъ онъ и отошелъ отъ Воротникова.

Когда пріѣхала Людмила съ отцомъ и Константинъ Федоровичъ увидалъ ее, сердце у него такъ и заняло. Быстрой, но неровной походкой онъ подошелъ къ нимъ и приподнял шляпу.

Полтинникъ протянулъ ему обѣ руки, Людмила поздоровалась очень привѣтливо, но сейчасъ же, увидавъ подхажившаго къ нимъ Никешу, крикнула:

— Идите же скорѣй!—И вся словно просіяла.

Отъ Воротникова это не ускользнуло, и онъ даже похолодѣлъ весь.

«Нѣтъ! Сегодня я ей предложенія не сдѣлаю,—подумалъ онъ.—И вообще надо подождать».

Въ ложу Полтинниныхъ набралось много народу и, несмотря на то, что она была большая, антерная, въ ней стало тѣсно.

Людмила сидѣла у барьера, рядомъ съ ней Варя Швыркова, а возлѣ нихъ вездѣущій Ахмаровъ. Полтинникъ и Константинъ Федоровичъ сидѣли сзади. Никеша стоялъ за ихъ стульями, въ самомъ углу.

Въ первомъ антрактѣ Константину Федоровичу совсемъ не удалось поговорить съ Людмилой. Ее все время окружали какіе-то господа и дамы и горячо говорили съ ней о предстоящемъ благотворительномъ гуляньи, въ устройствѣ котораго Людмила, какъ видно, принимала большое участіе.

Въ продолженіе слѣдующаго акта, Воротниковъ обещалъ: сегодня сдѣлать ей предложеніе или отложить? И если отложить, то надолго ли? Во всякомъ случаѣ, особенно медлить нельзя: какъ-ни-какъ, а ему и домой пора возвращаться. Работы-то въ самомъ разгарѣ, и хоть тамъ маменька, по одной ей все-таки не управиться.

И, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ предложеніе сдѣлать завтра, а сегодня только слегка предупредить ее объ этомъ.

И, выбравъ удобную минуту во второмъ антрактѣ, онъ сказалъ ей:

— Вы позволите мнѣ завтра пріѣхать къ вамъ? Мнѣ нужно поговорить объ очень важномъ...

— Ну, конечно, конечно, пріѣзжайте!—перебила Людмила, не дослушавъ даже конца фразы.—Завтра я до двухъ часовъ дома, на дачѣ буду. Очень рада васъ видѣть.

И сейчасъ же обернувшись къ снова окружившимъ ее кавалерамъ и дамамъ, говорившимъ ей о какихъ-то каруселяхъ, да лотереяхъ.

На третій актъ Людмила, вмѣсто Ахмарова, посадила рядомъ съ собой Никешу, а Константинъ Федоровичъ почувствовалъ, что у него разбалчивается голова и потому, не дождавшись окончанія спектакля, онъ уѣхалъ къ себѣ въ гостиницу.

А на другой день онъ, на парномъ извозчикѣ, заказанномъ еще съ вечера, ѣхалъ на дачу Полтинникова.

«Будь, что будетъ!»—твердилъ онъ.—Отецъ—согласенъ. Не дура же, въ самомъ дѣлѣ, и дочь! А я безъ нея жить не могу! Да, наконецъ, это такой бракъ, противъ котораго и маменька ничего не скажетъ. Милліоны хоть кого успокоятъ и примирятъ съ собой. Мнѣ, конечно, денегъ не нужно,—думалъ онъ, какъ бы нѣсколько сконфуженный пришедшей ему въ голову мыслью:—я люблю самое Людмилу. Ну, а маменька... Вѣдь, она больше всего—чего боится: потерять власть надъ хозяйствомъ. Ну, а теперь все наше прежнее хозяйство такъ нераздѣльно въ ея рукахъ и останется. Мы же съ Людмилой заведемъ много новаго».

И Константинъ Федоровичъ сталъ мечтать о разныхъ реформахъ, которыя онъ теперь можетъ произвести.

«Да, это не то, что при прежнихъ средствахъ, когда приходилось если не копеечку, то рубль считать. И, кто знаетъ, можетъ-быть, согласится и въ предводители баллотироваться. О, тогда, конечно, онъ не станетъ такимъ предводителемъ, какъ были другіе, все свое предводительство полагавшіе въ кормленіи да поеніи дворянъ. Хорошій предводитель прежде всего о мужикѣ долженъ думать, потому что безъ мужика и дворянникъ на мели. И онъ подумаетъ! Да, онъ подумаетъ! А Людмила поможетъ ему. Она умная дѣвушка и сама изъ народа. Она и нужды этого народа, если и не знаетъ, то чувствуетъ. И она, конечно, пойметъ, что лучшаго мужа ей, пожалуй, и не найти. Онъ все ей выскажетъ, развернетъ всѣ свои планы передъ ней и укажетъ ей настоящій ея путь... А, главное, отецъ согласенъ,—перебивалась его мысль:—впрочемъ, нѣтъ, это не главное. Главное—согласится ли она?—поправлялъ онъ сейчасъ же себя.—Согласится ли, вотъ это—главное. А вдругъ не согласится?»

И онъ чувствовалъ, какъ при этомъ вопросѣ во всемъ его тѣлѣ пробѣгали мурашки.

«Нѣтъ, нѣтъ! Не надо думать объ этомъ! Надо быть увѣреннымъ, что согласится, быть увѣреннымъ, да такъ и дѣйствовать. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній предвидѣть отказъ. Если она скажетъ, что не слишкомъ ли скоро, онъ отвѣтитъ ей, что для любви нѣтъ сроковъ. Можно прожить всю жизнь и не полюбить человека, а иногда довольно и одного бѣлаго взгляда, чтобы влюбиться. Да, онъ такъ ей и скажетъ, такъ и скажетъ...»

— Что это, пріѣхали, кажется? Пріѣхали, такъ и есть!

И Константинъ Федоровичъ, выпрыгнувъ изъ фаэтона, быстрыми и рѣшительными шагами взбѣжалъ на крыльцо полтинниковской дачи.

XXIII.

Людмила приняла его въ своей рабочей комнатѣ. Она, уже совсемъ одѣтая по-городскому, сидѣла у письменнаго стола надъ какими-то бумагами, счетами, билетами.

— Ну, вотъ и я!—слегка срывающимся, но громкимъ голосомъ переговорилъ Воротниковъ, входя къ ней.

— Очень, очень мило!—отвѣтила она ему, протягивая руку.

— Я не слишкомъ рано?—спросилъ Константинъ Федоровичъ.

— О, нѣтъ. Какъ разъ въ-время. Это хорошо, что вы пораньше пріѣхали, потому что сегодня къ завтраку собирается у меня разные устроители, да распорядители, устроительницы да распорядительницы предстоящаго

Лунная соната (*Quasi una fantasia*). Картина Опплера, авт. «Нивы».

Консультація. Картина Э. Эчевея, авт. «Нивы».

благотворительнаго гулянья. А теперь только одиннадцать часовъ, и мы успѣемъ съ вами поболтать.

— Я такъ торопился къ вамъ,—почти уже робко сказалъ Константинъ Федоровичъ, усаживаясь на указанный ему стулъ.

— Очень похвально! Ну, а такъ какъ ни одно доброе дѣло не должно оставаться безнаказаннымъ, то вотъ, пожалуйста!

Послѣднее слово она выговорила какъ-то особенно похлещески и, весело разсмѣявшись, протянула Воротникову листъ бумаги.

— Это что такое?—спросилъ тотъ, принимая бумагу.

— Это подписной листъ въ пользу пострадавшихъ отъ пожара. Тѣхъ самыхъ пострадавшихъ, для которыхъ мы устраиваемъ наши гулянья.

Воротниковъ посмотрѣлъ на подписи. Во главѣ всѣхъ стояла фамилія Ларіона Полтиннина, и противъ нея значилась цифра—1.000 рублей. Слѣдующая подпись была Людмила—500 рублей, а затѣмъ или подписи съ цифрами въ триста, въ двѣсти, еще разъ въ пятьсотъ; раза два попадалось сто рублей и одна только подпись—Авксентій Зобковъ—обозначала пожертвованіе—двадцать пять копеекъ.

— Всякое даваніе—благо!—говорила, между тѣмъ, Людмила.—Я, признаться сказать, не люблю всѣхъ этихъ благотворительныхъ гуляній. Ну, зачѣмъ они? Хочешь помогать, помогай прямо деньгами или трудомъ—чѣмъ можешь. Зачѣмъ же при этомъ еще требовать какихъ-то каруселей, лотерей, балагановъ? Вѣдь, это все за счетъ пострадавшихъ дѣлается. Но, какъ же прикажете поступать, когда съ нѣкоторыхъ иначе и копеечки не выжмешь. Ну, вотъ и приходится идти на уступку. Бѣдствие-то ужъ очень большое, почти стихійное. Понимаете, сразу все—и градъ, и «красный пѣтухъ»... Это въ Малинскомъ уѣздѣ. Моему отцу третьяго дня дали знать объ этомъ. Онъ туда уже своего приказчика отправилъ, а я вотъ подписку собираю, да гулянья устраиваю.

Константинъ Федоровичъ слушалъ ее, смотрѣлъ на подписи и соображалъ, сколько ему подписать: двѣсти или триста. Меньше этой цифры, конечно, нельзя. Всѣ, вѣдь, его знаютъ, какъ за очень богатаго помѣщика, но триста—такая вышительная цифра! А между тѣмъ, противъ трехсотъ стоитъ уже не одна фамилія.

«Людмила подписала пятьсотъ, я подпишу—триста! триста!—рѣшалъ онъ, берясь уже за перо.—Она подписала—пятьсотъ... Намъ слѣдуетъ быть вмѣстѣ, вмѣстѣ! Все насъ должно соединять!»

И написавъ свою фамилію, онъ почти машинально поставилъ—*пятьсотъ рублей*.

— Благодарю васъ!—совсѣмъ просто проговорила Людмила, принимая отъ Воротникова бумажку пятисот-рублеваго достоинства.

— Ну, а пока съ дѣлами довольно,—продолжала она, отодвигая отъ себя бумаги, афиши и билеты.

И повернувшись къ Воротникову, сказала очень простымъ, но какимъ-то дѣловымъ тономъ, который не пошелъ бы къ другой дѣвушкѣ, но очень шелъ ей.

— Вы, кажется, хотѣли поговорить со мной о какомъ-то дѣлѣ? Я слушаю.

Воротниковъ былъ страшно смущенъ этимъ обращеніемъ. Совсѣмъ не такъмъ представлялъ онъ себѣ объясненіе съ Людмилой. Ему почему-то казалось, что они будутъ гулять по саду, рука объ руку. Онъ будетъ говорить ей о своей любви, о своихъ планахъ на будущее, а она будетъ слушать его, задумчивая, немного растерянная... И вмѣсто всего этого—вдругъ: «я васъ слушаю». «Словно адвокатъ или докторъ»,—подумалъ онъ и взглянулъ на Людмилу.

Она сидѣла спокойная и прекрасная въ этомъ спокойствіи. Хорошо сшитое платье красиво облегало ее стройныя и сильныя формы. Темнокаріе глаза смотрѣли

открыто и просто. На сочныхъ и крѣпкихъ губахъ играла полуофициальная, полупривѣтливая улыбка.

Людмила знала, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и что онъ будетъ говорить; а также знала, что она ему отвѣтитъ. Уже который разъ въ жизни ей приходилось огорчать отказомъ искателей ея руки. Нѣкоторыхъ она въ это время жалѣла; къ нѣкоторымъ относилась равнодушно, а къ нѣкоторымъ даже злорадно. Воротникова ей не было жаль, но она и не злилась на него. Значить, дѣло было совсѣмъ простое.

«Пусть скажетъ, а я отвѣчу»,—думала Людмила.

Но онъ молчалъ. Молчала и она. И эта пауза становилась неловкой, и выйти изъ нея Константину Федоровичу было все труднѣе и труднѣе. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Третьяго дня,—началъ онъ тихимъ и прерывистымъ голосомъ:—мнѣ пришлось бесѣдовать съ вашимъ... папенькой, т. е. не папенькой, а отцомъ.

— Это все равно,—улыбнулась Людмила.

А Константинъ Федоровичъ сконфузился еще болѣе.

— Да, конечно, все равно,—подтвердилъ онъ.—Но не въ этомъ дѣло. Я, вотъ, съ нимъ бесѣдовалъ, а онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я поговорилъ лично съ вами. Такъ вотъ я теперь и пріѣхалъ... Вамъ, можетъ-быть, покажется это очень скоро... т. е. я хочу сказать, что я влюбился въ васъ, но увѣрю, увѣрю васъ, что это вовсе не значитъ очень скоро, потому что иной разъ и пѣлый годъ живешь, а не влюбишься, а другой разъ—только взглянешь и...

— Чтобы влюбиться—немного нужно времени. Полюбить—вотъ это другое дѣло!—какъ бы про себя замѣтила Людмила.

— А я васъ полюбилъ! Увѣрю васъ! Честное слово, полюбилъ! Совершенно серьезно!

— Но вы не знаете меня!—тихо проговорила Людмила.

— Нѣтъ, я васъ знаю, отлично знаю!—горячо запротестовалъ Константинъ Федоровичъ.—Знаю, потому что вы вся наружу, вы ничего не скрываете. Знаю, что вы человекъ свободный и независимый, и вы не только хороши собой, но вы и умная, вы и честная... Погодите! Теперь я вамъ скажу—какой я. Я, видите ли... какъ бы вамъ это сказать?... Я—работникъ, но я тоже честный человекъ. Я отлично понимаю, что нужно дѣлать, но мнѣ часто мѣшаютъ обстоятельства. У меня и охота есть, и пониманіе, но... обстоятельства, понимаете, обстоятельства! Я бы давно и много хорошаго надѣлалъ, если-бъ мнѣ не мѣшали. Но одинъ я не могу. Мнѣ нуженъ товарищъ, помощникъ, который бы вмѣстѣ со мной боролся съ этими обстоятельствами. Я бы много добра надѣлалъ, потому что я вовсе не скупъ, какъ нѣкоторые думаютъ... Но мнѣ мѣшаютъ, понимаете, мѣшаютъ... А вы, вотъ, вы... помогите мнѣ!

— Какъ же я вамъ могу помочь?—спросила Людмила.

— Пойдите за меня замужъ... погодите! погодите!—заторопился Воротниковъ, видя, что Людмила что-то хочетъ сказать.—Ради Бога, не подумайте, что это такъ скоро! Увѣрю, клянусь, я полюбилъ васъ! У меня были другія невѣсты, нѣкоторыя даже долго, но, честное слово, я никогда, ни одну не любилъ такъ сильно, какъ васъ.

— Однако, дѣлалъ имъ предложеніе!—подавляя улыбку, проговорила Людмила.

— Да, дѣлалъ, потому что мнѣ нужно было... потому что я просто хотѣлъ жениться, а теперь я въ самомъ дѣлѣ полюбилъ! Я не могу жить безъ васъ! Я васъ одну люблю! Будьте моею женой!

Послѣднія слова Константинъ Федоровичъ проговорилъ совсѣмъ тихо, и послѣ нихъ все въ немъ внутри задрожало. Теперь онъ ждалъ отвѣта, ждалъ приговора.

— Я не могу быть вашей женой.—разслышалъ онъ тихо сказанныя слова.

И закрылъ глаза.

«Значить, все кончено! Все кончено!—замелькало у

него въ головѣ.—Значитъ, теперь опять Воротники, столовая, маменька въ башмакахъ, кухня, Евстиней... Опять все прежнее, все ужасное! Ужасное. Да!»

И онъ, раскрывъ глаза, почти крикнулъ:

— Нѣтъ, не говорите такъ! Пойдите! Походите! Не говорите такъ! Вѣдь, вы меня этимъ убиваете! Всѣ мои надежды, все, все, все!.. въ пропасть!..

И Людмила стало жаль его: такъ искренно и такъ безпомощно звучали эти слова.

Но въ то же время, она ясно поняла, что онъ не любитъ ее, а просто хватается за нее, какъ за якорь спасенія, чтобы вырваться изъ ужаса своей жизни. И она, стараясь смягчить свой голосъ, ласково заговорила:

— Миѣ больно, Константинъ Федоровичъ, миѣ больно, что вы остановились именно на миѣ, что вашъ выборъ не палъ на другую дѣвушку, но переѣмните своего отвѣта, я не могу!

— Людмила Илларионовна! — взмолился Воротниковъ. — Подождите! Не говорите этого! Подумайте! Посоветуйтесь съ вашимъ отцомъ. Вы, можетъ-быть, еще не любите меня, но полюбите, когда ближе узнаете. Когда вы станете моей женой, вы увидите, что я совсѣмъ не таковъ, какинъ кажусь съ перваго взгляда. Мало ли дѣвушекъ выходятъ замужъ не любя, по расчету! А потому любите своихъ мужей, да еще какъ любить! Не говорите миѣ «нѣтъ»! Ради Бога! Подумайте!

— Зачѣмъ думать, когда... — заговорила-было Людмила.

Но Воротниковъ перебилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! Не говорите! Подумайте! Ну, хоть двадцать четыре часа! Ну, дайте миѣ отвѣтъ черезъ двадцать четыре часа. Я приѣду къ вамъ черезъ сутки, и вы миѣ скажете... А теперь не надо! Не говорите ничего! Если-бъ вы знали, что дѣлается въ моемъ сердцѣ, вы бы пожалѣли меня!

При этихъ словахъ онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Завтра, завтра ровно въ это время! — проговорилъ онъ, протягивая руку.

— Зачѣмъ откладывать... — опять начала-было Людмила.

Но Воротниковъ съ ужасомъ взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! Не хочу! Не могу! — крикнулъ онъ и, поцѣловавъ протянутую ему руку, быстро вышелъ изъ кабинета Людмилы, наугадъ прошелъ нѣсколько слѣдующихъ комнатъ и, выбѣжавъ на крыльцо, хриплымъ голосомъ крикнулъ дремавшему возлѣ извозчику:

— Подавай!

XXIV.

Разбитый, сломанный, фхалъ Воротниковъ назадъ въ городъ. Онъ почти ни о чемъ не думалъ, только обрывки какихъ-то мыслей прыгали у него въ головѣ: то онъ видѣлъ передъ собой Людмилу, прекрасную, манищую къ себѣ, и въ ней сосредоточивалась, кажется, вся его будущая жизнь; то онъ вспоминалъ свое домашнее, скучное житье-бытье, съ хозяйственными дрязгами, съ вѣчными пререканіями съ маменькой. То вспоминалась ему одна изъ прежнихъ его невѣстъ, худенькая, блѣдная блондинка, съ кроткими, голубыми глазами. То веселый, жизнерадостный Тополевъ кричалъ ему что-то о радо-

стяхъ жизни, о свободѣ, о любви; то, наконецъ, онъ видѣлъ себя на балконѣ ресторана «Бельведеръ», завтракающимъ съ Лариономъ Семеновичемъ Полтиннымъ, и ему казалось, что это была одна изъ лучшихъ минутъ его жизни. А затѣмъ, опять Людмила, ея отказъ, его мольбы... И какая-то слабая, слабая надежда все-таки еще теплилась въ его сердцѣ.

«Только бы не возвращаться въ Воротники попрежнему, по старому», — думалъ онъ и съ ужасомъ отгонялъ отъ себя призраки былой жизни.

Вѣхали въ городъ. Извозчики дрожки задрезались по скверной мостовой.

— Это что за пароходъ? — вдругъ спросилъ Воротниковъ у извозчика, указывая на небольшой, блѣлый пароходикъ, стоявшій у маленькой пристани, биткомъ набитый, простымъ сѣрымъ народомъ.

— Это къ Угоднику, — отвѣтилъ извозчикъ.

И Константинъ Федоровичъ вспомнилъ, что это за пароходъ.

— Стой! — крикнулъ онъ.

И, выскочивъ изъ дрожекъ, расплатился съ извозчикомъ и быстрыми шагами пошелъ къ пристани.

Пароходъ уже давалъ свистокъ. Толпа богомольцевъ хлынула на его палубу. Константинъ Федоровичъ наскоро взялъ билетъ и прошелъ въ первый классъ.

Вскорѣ были отданы чалки и маленькій пароходикъ, круто повернувшись у самой пристани и торопливо застучавъ плечами колесъ, «побѣжалъ» внизъ по Волгѣ.

Верстахъ въ сорока отъ губернскаго города находился старинный монастырь во имя Николая Угодника. Туда теперь и фхалъ Константинъ Федоровичъ.

Побывъ съ минутой въ рубкѣ, онъ поднялся на верхній мостикъ и сѣлъ на скамейку. Пароходъ былъ биткомъ набитъ богомольцами, такъ какъ завтра былъ праздникъ одного изъ придѣловъ монастырскаго храма. Публика была все сѣрая, мужицкая. Изрѣдка попадались купеческая чуйка, да мелькали цвѣтные зонтики и яркіе платочки горожанокъ.

Константинъ Федоровичъ безучастно смотрѣлъ на эту толпу и опять ни о чемъ не думалъ. Легкій встрѣчный вѣтерокъ обвѣвалъ его.

Навстрѣчу, по Волгѣ попадались большіе караваны, влекомые могучими буксирами: «бѣляны», шедшія сплавомъ; «косовые», подъ парусомъ, и изрѣдка проносился большой пассажирскій пароходъ. Волга жила своей подвижной жизнью.

Константинъ Федоровичъ посмотрѣлъ на часы: было половина второго, и онъ вспомнилъ, что въ этотъ день еще ничего не фхалъ.

Увидавъ внизу пароходскаго офиціанта, въ до-нельзя засаленномъ фракѣ, съ грязной салфеткой подъ мышкой, онъ позвалъ его къ себѣ.

— Дайте что-нибудь поѣсть, — сказалъ онъ ему.

— Что прикажете?

— Да все равно, что у васъ есть.

— Отбивныя котлеты, битки, скобленка, солянка на сковородкѣ, стерлядку можно, — перечислялъ офиціантъ.

Константинъ Федоровичъ заказалъ солянку.

(Продолженіе будетъ).

Внизъ по рѣкѣ.

(Изъ Л. Фульда).

Внизъ по рѣкѣ! На берегу
Стою безмолвно, чуть не плачу,
И руку милую твою
Въ своей рукѣ ревниво прячу.

Внизъ по рѣкѣ! Увы, пора:
Корабль свободенъ отъ причала;
Мелькнулъ платокъ — и надъ водой
«Прости» чуть слышно прозвучало.

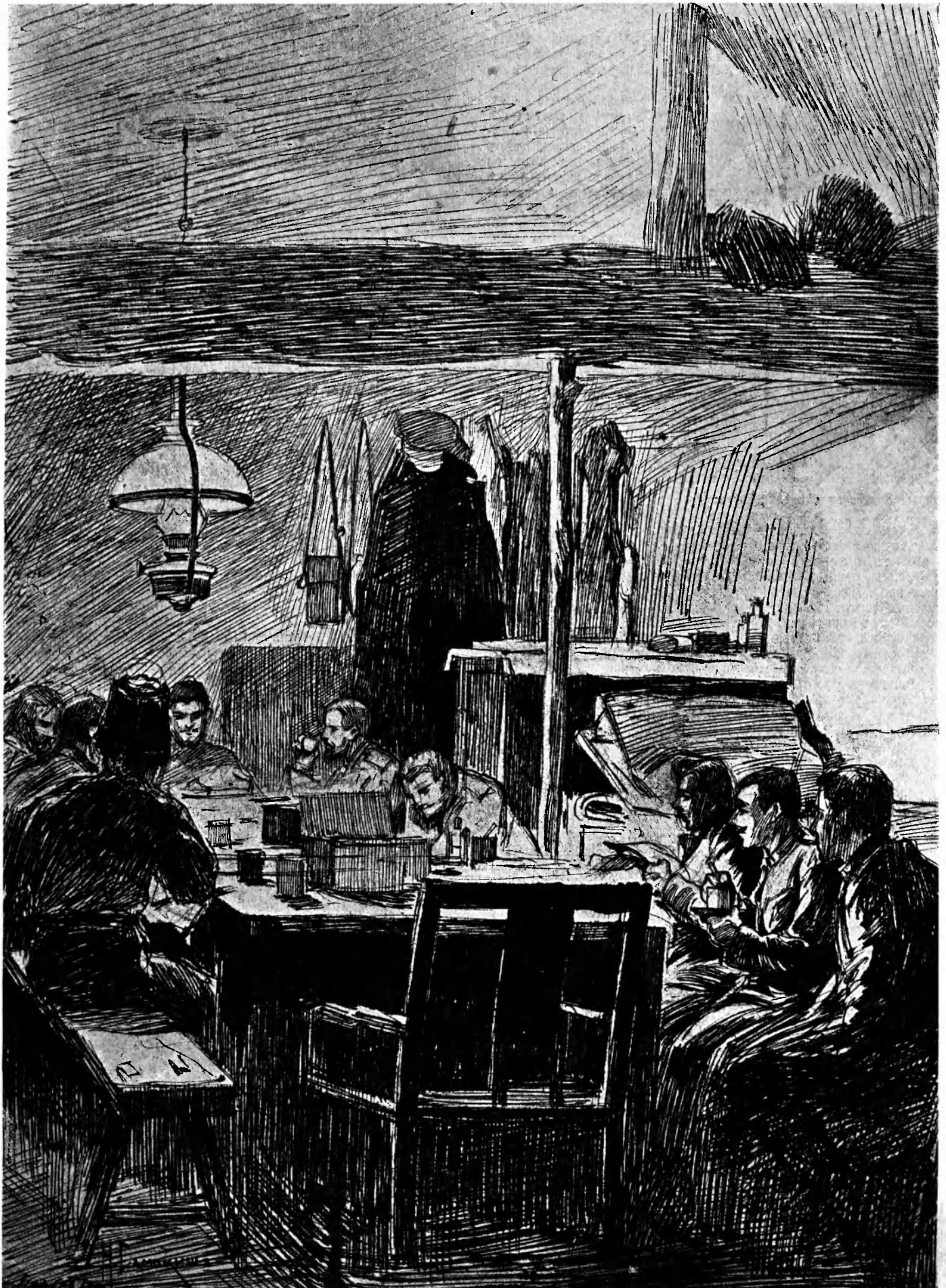
Внизъ по рѣкѣ! Путь корабля
Двумя отбѣченъ бороздами;
Но скоро смыть и этотъ слѣдъ
Вновь набѣжавшими волнами.

Послѣдній взглядъ... Тяжелый вздохъ...
Слезамъ дать волю такъ пріятно!
Какъ свѣтлый сонъ, внизъ по рѣкѣ
Уходитъ юность безвозвратно.

В. С. Лихачевъ.

Послѣдній снѣгъ. Картина І. Фаргюхарзона, авт. «Нивы».

Офицеры дивизиона развѣдчиковъ за вечернимъ чаемъ въ Чинсамутунѣ.
Рис. нашего спеціального корреспондента академика Н. С. Самокиша, арт. «Новы».

Корея.

(Съ 5 рис. на этой стр.).

Странное впечатление на всякого путешественника, будь он европеец или азиат, производит нынешняя Корея — «страна утробного спокойствия», как величают ее сами корейцы: эта несчастная страна все время не перестает служить каким-то ристалищем для иноземных политических страстей и желаний и ареной всевозможных смут, беспорядков и неурядиц. Нет ничего определенного и решенного в ее судьбе и в ее положении: прошлое давно уже рушилось, а будущее еще только намечено вчернь. Корея стоит

Корейская пѣвица („кисень“).

на грани между самостоятельным национальным существованием и полной утратой всех своих характерных национальных особенностей. И очень возможно, что она утратит, рано или поздно, сама себя, т. е. свои национальные черты, свою кровь и плоть. Мягкий, вялый и пассивный характер ее жителей, повидимому, совершенно не способен противодействовать ничему внешнему влиянию и сохранить свою самобытность: иноземная воля и чуждая кровь уже давно царит в этой стране; достаточно указать хотя бы уже и на то, что королевою Кореи является дочь американского авантюриста и комиссионера, г-жа Броун. А в настоящее время корейцы подвергаются жестокому обьяпониванию.

А между тем, в национальном бытѣ Кореи много любопытных оригинальных черт, и будет очень жаль, если страна лишится их и будет приведена къ какому-либо иному знаменателю. В сущности, во всяком народѣ интересно и занимательно лишь его собствен-

Корейская лавка въ Гензанѣ.

ное, а не заимствованное или навязанное извнѣ достоинствѣ. И въ Корей покажетъ еще очень много своего собственного въкового достоинства.

Съ весьма многими чертами Кореи и корейцевъ читатели «Нивы» уже знакомы. Въ настоящемъ № нашего журнала мы даемъ еще нѣсколько новыхъ эскизовъ и рисунковъ, изображающихъ эту страну.

Столица Кореи, г. Сеулъ, представлявший собою въ прежнее время грязную, обширную деревню, теперь значительно упорядоченъ и сталъ гораздо опрятнѣе.

Кругомъ всего города идетъ стѣна, очень красивая въ своей суровой дикости и въ сочетаніи съ дикой красотой окружающихъ Сеулъ горъ, по которымъ она проходитъ, то взбираясь вверхъ, то упавая въ провалы. Стѣна на всемъ пространствѣ (около 20 верстъ) покрыта рубцами и пробита каменными арками-воротами, которыя увѣнчиваются особыми, загнутыми вверхъ, словно края шляпы, крышами.

За этой стѣной, на огромномъ пространствѣ раскинулся самый городъ. Улицы его широки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ переулковъ, тѣсныхъ и извилистыхъ до невозмож-

Эмилія Броунъ, императрица корейская.

Улица въ Сеулѣ.

Кимъ, сеульскій полицеймейстеръ.

ности. Почти вездѣ, вдоль улицъ тянутся канавы, и къ нимъ жмутся многочисленные лавки. Корейскіе торговцы любятъ выдвигать свой товаръ прямо на середину улицы, и поэтому нѣкоторыя улицы чрезвычайно стѣснены и загромождены для прохода и проѣзда. Торговля хлѣбомъ и овощами производится прямо посреди улицы, и только мясные лавки скромно жмутся подальше отъ главныхъ улицъ, потому что торговля мясомъ считается въ Корей самую низкую и презрѣнную изъ всѣхъ мѣстныхъ отраслей торговли.

За послѣднее время въ Сеулѣ появилось много домовъ европейской постройки, устроено хорошее освѣщеніе, телеграфъ, отели и даже трамвай. Однако, типично-корейскіе чертъ въ городѣ остается очень много, и прежде всего, особую окраску и характеръ ему придаютъ сами корейцы, въ своихъ ослѣпительно-бѣлыхъ балахонахъ и широкополыхъ шляпахъ, съ пучкомъ волосъ на макушкѣ. Простой народъ вмѣсто шляпъ носитъ повязки. Въ сеульской толпѣ то и дѣло шныряютъ забавные, совершенно голые ребятишки, которымъ до извѣстнаго возраста не только не возбраняется, но ради экономіи даже вѣшается въ обязанность гулять въ костюмахъ прародителей. На ряду съ этимъ, военные и полицейскіе чины Сеулащеголяютъ въ европейскихъ мундирахъ и въ панталонахъ съ широкими лампасами.

Характернѣйшую национальную особенность Корей составляетъ сословіе такъ называемыхъ «кисень» — профессиональных танцовщицъ и пѣвицъ. При томъ рабскомъ состояніи, въ которомъ пребываютъ въ Корей до сихъ поръ женщины, удѣломъ ихъ является неразвитость и тупость. И лишь женщины «свободнаго состоянія», не связанныя условіями брака и семейной жизни, отличаются тамъ нѣкоторою интеллигентностью и образованностью.

Эти женщины, очень схожія по своему общественному положенію и характеру съ древне-греческими гетерами, считаются состоящими на государственной службѣ. Официально онѣ состоятъ въ вѣдѣніи правительственнаго департамента, контролируются особымъ бюро и получаютъ изъ національной казны жалованье. На ихъ обязанности лежитъ присутствованіе на всѣхъ официальныхъ обѣдахъ и дворцовыхъ празднествахъ. Онѣ танцуютъ, поютъ и декламируютъ — и иной разъ не неприятно даже и для европейскаго уха. «Кисени» соотвѣтствуютъ, въ общемъ, пресловутымъ японскимъ гейшамъ. Народъ величаетъ ихъ пышнымъ титуломъ: «Листья солнечнаго свѣта»...

Одинъ изъ предлагаемыхъ рисунковъ воспроизводитъ корейскую «кисень» въ ея обычномъ туалетѣ. Во время празднествъ «кисени» одѣваются замысловатѣ и наряднѣе. Въ общемъ, это довольно пріятный типъ, безъ тѣни нахальства и заносчивости и, наоборотъ, съ чисто-женственной скромностью.

Таковы немногія изъ типичныхъ национальных чертъ «страны утренняго спокойствія», которые остаются еще въ полной силѣ въ этой несчастной, раздираемой политическими неурядицами, странѣ.

Корейцы въ русской школѣ. (Рис. на этой стр.).

Въ г. Перми, въ одномъ изъ мѣстныхъ училищъ, въ настоящее время обучается нѣсколько взрослыхъ корейцевъ.

Присутствіе этихъ жителей далекой «страны утренняго спокойствія» въ русскомъ губернскомъ городѣ, да еще въ начальной школѣ можетъ показаться на первый взглядъ страннымъ. Какъ попали они туда?

Исторія ихъ такова: когда вѣснхнула на Дальнемъ Востокѣ война, всѣмъ, проживающимъ въ районѣ военныхъ дѣйствій, корейцамъ и японцамъ было, какъ извѣстно, предложено немедленно выѣхать въ свое отечество. Но нѣкоторые изъ нихъ не пожелали (или не смогли) вернуться туда, и тогда ихъ отправили внутрь Россіи. Довольно большая партія корейцевъ была поселена тогда,

между прочимъ, и въ Перми, и для ихъ проживанія городская управа этого города отвела особыя квартиры.

Корейцы стали заниматься въ Перми разными ремеслами: слесарнымъ, столярнымъ и пр., получивъ работу въ русскихъ мастерскихъ и въ домѣ трудолюбия. Нѣкоторые же изъ нихъ занимались изготовленіемъ разныхъ немудреныхъ игрушекъ изъ ваты, а двое трое открыли прачечныя заведенія. Спусти нѣсколько мѣсяцевъ наши сосѣди восточныхъ окраинъ вполнѣ освоились съ жизнью въ чуждомъ для нихъ русскомъ городѣ, и единственно, что имъ мѣшало — это плохое знаніе ими нашего языка и неумѣнье читать и писать по-русски.

Поэтому пермскіе корейцы рѣшили хлопотать о томъ, чтобы имъ разрѣшили учиться въ какой-нибудь русской школѣ. Въ ноябрѣ истекшаго года они, въ числѣ 10 человекъ, ходатайствовали предъ начальникомъ губерніи и предъ директоромъ народныхъ училищъ о помѣщеніи ихъ въ какое-либо училище. Просьба корейцевъ была уважена, и они были приняты въ безплатные мужскіе вечерніе классы для взрослыхъ при пермскомъ Кирилло-Меоодіевскомъ училищѣ.

Корейцы въ русской школѣ для взрослыхъ при Кирилло-Меоодіевскомъ училищѣ въ Перми.

По фот. учителя школы С. В. Дунаева, авт. «Нивы».

Занятія въ этихъ классахъ ведутся три раза въ недѣлю по вечерамъ, въ курсѣ начальной школы. Корейцы обучаются русской рѣчи, чтенію, письму и счету. Къ занятіямъ они относятся съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ и очень аккуратно посѣщаютъ уроки.

По-русски они говорятъ плохо, а нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не умѣли говорить до пріѣзда въ Пермь, такъ какъ до войны жили въ китайскихъ городахъ. Но теперь, спустя мѣсяца два послѣ обученія въ школѣ, корейцы уже читаютъ небольшіе рассказы въ русской хрестоматіи и пишутъ подъ диктовку, или съ книги и классной доски отдѣльные слова. Четверо изъ нихъ изъявили согласіе принять православіе и поэтому сверхъ общихъ занятій ходятъ къ православному священнику учиться закону Божію.

Такова эта оригинальная школьная семья жителей далекой Корей, неожиданно-негаданно подвергшихся всесторонней русификаціи! Несомнѣнно, что въ будущемъ выработаются вѣрные друзья Россіи, защитники ея культуры, обычаявъ и вѣры.

Доносчикъ.

Разсказъ А. Бельтрамелли.

Старый пастухъ Римуэльдъ сказалъ, обращаясь къ Біару:

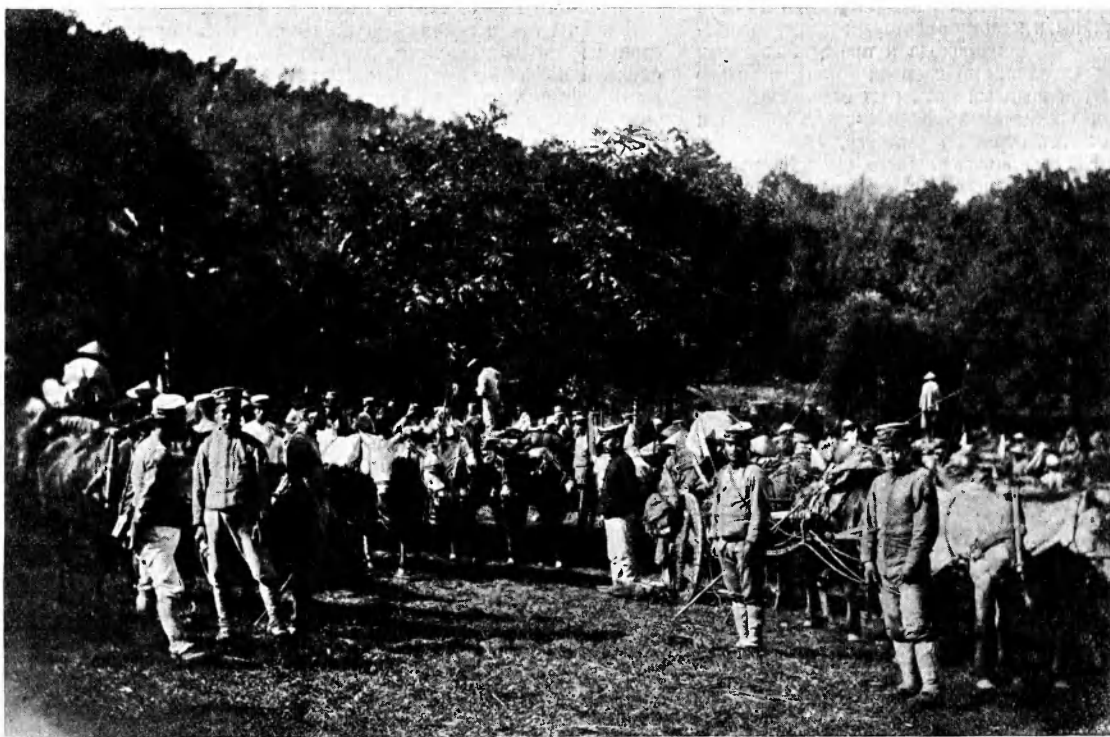
— Если подѣ вечеръ незначай поступится къ тебѣ въ домъ Сюрель,пусти его, потому что съ нимъ случилось несчастье.

— Что такое? — спросилъ Біару, кинувъ косой взглядъ на Римуэльда и отводя точасъ же взоры къ небу.

— Недавно вечеромъ, — отвѣтилъ старикъ, — Сюрель оскорбилъ Цинтиля. Дѣло было въ лѣсу, и некому было разнять ихъ: между ними завязалась драка. Сильнымъ ударомъ ножа онъ уложилъ на мѣстѣ Цинтиля.

— Никто объ этомъ не знаетъ?

— Кажется, жандармы подозрѣваютъ Сюреля, но они тщетно его разыскиваютъ.

Японский транспортъ.

Съ фотографическаго снимка, захваченнаго у одного изъ двухъ японскихъ фотографовъ, взятыхъ въ плѣнь подъ Ляндыаньсанемъ. Снимокъ былъ проявленъ и отпечатанъ штабсъ-капитаномъ Озерскимъ, авт. «Нивы».

— Кто-нибудь выдастъ его! — съ неприятнымъ смѣхомъ воскликнулъ Біару.

— Здѣсь шпіонство никогда не пускало корней, — насупившись, отвѣтилъ Римуэльдь.

— Я знаю человека, способнаго на такое дѣло.

— Кто же это?

— Я вамъ назову его, если онъ еще разъ попытается основать свое благополучіе на несчастьи другого.

— Берегись, если ты укрываешь его! — крикнулъ Римуэльдь.

Біару сдѣлалъ презрительный жестъ рукой и ничего не отвѣтилъ.

Старикъ слѣдилъ глазами, какъ сгустились сумерки за высокими лѣсами Амнека, посмотрѣлъ на темную долину, изобиловавшую

жалобно шумѣвшими водами, потомъ зашелъ въ ольховникъ, гдѣ паслись его овцы, и скрылся изъ виду.

Біару продолжалъ путь къ Монте Анерто, гдѣ возвышался его домикъ изъ сѣраго камня.

Въ равнинѣ Ожумъ онъ увидѣлъ человека, несмотря на поздній часъ, обрабатывающаго землю.

Рядомъ съ двумя волами, согнутыми подъ ярмомъ, шелъ нищенскаго вида ребенокъ, и тонкимъ прутикомъ погонялъ лѣнивыхъ животныхъ.

Въ темнотѣ раздавался его звонкій голосъ:

— Бинь! Ро!.. Иди по колеѣ, земля тверда!

Въ молчаніи, слѣди за тѣмъ, какъ сильно соха вѣзывалась въ бесплодную землю, шелъ мужикъ,

кровли моего дома; что выше дома, о томъ Господь позаботится!

— Вы работаете даже при лунномъ свѣтѣ? — спросилъ Біару.

— Да, — отвѣтилъ Бюверъ: — ночью легче разрыхлять землю. Луна только глядитъ, но не грѣетъ.

— А жена ваша сидитъ дома одна съ дѣтьми?

— Одна со своей нищетой, — улыбаясь, отвѣтилъ Бюверъ.

— А если страхъ нападетъ на нее? Здѣсь въ окрестностяхъ бродитъ бандитъ.

— Знаю. Вы вѣрно говорите про Сюреля?

— Да, про него.

— Онъ вчера вечеромъ постучался ко мнѣ, и я впустилъ его.

сурово склонившись надъ плугомъ, точно онъ съ каждымъ толчкомъ снова набирался силъ для дальнейшей работы.

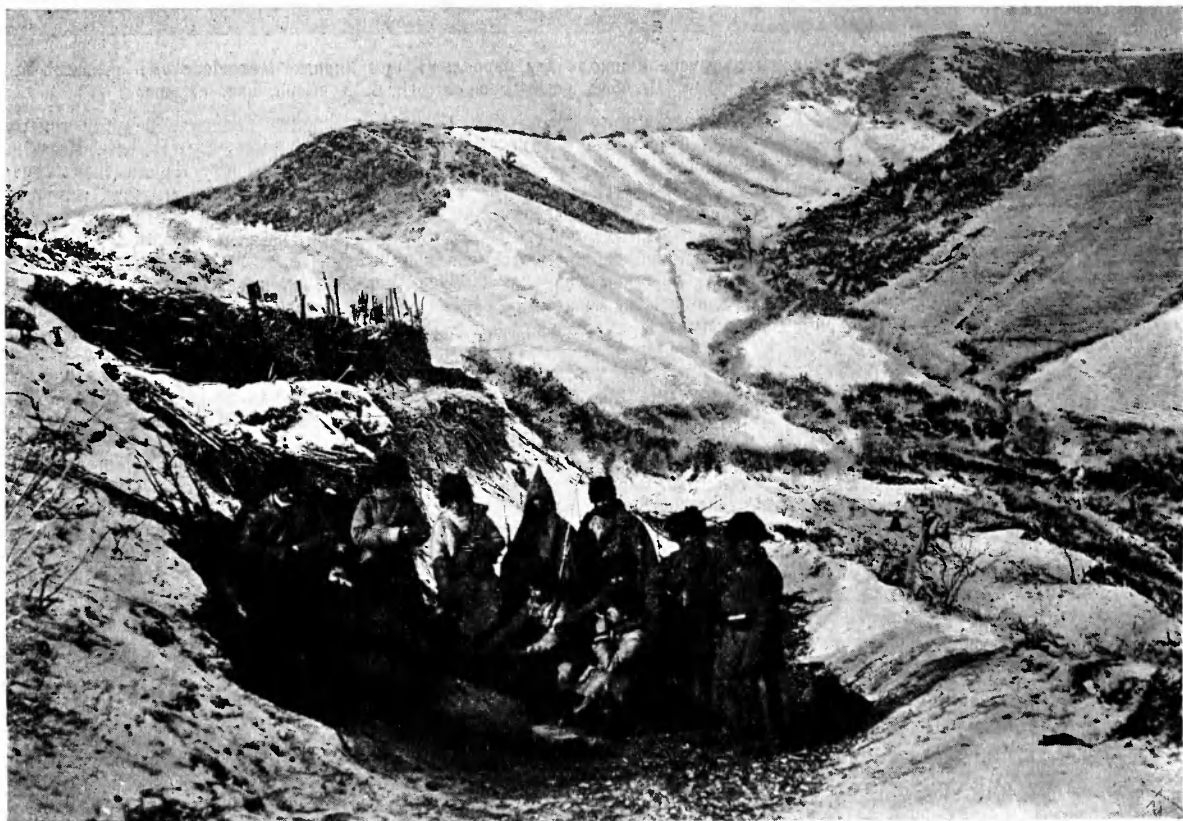
При свѣтѣ сгустившихся сумерекъ Біару не узналъ сначала пахаря. Но когда тотъ, при остановкѣ, медленно приподнялъ голову, выпрямился во весь ростъ и окинулъ взоромъ всю тяжелую работу, только что выполненную имъ, Біару узналъ мрачное лицо своего сосѣда Бювера.

— Неблагодарная земля! — сказалъ, подходя къ пахарю, Біару.

— Все же четыре поля на солнечной сторонѣ должны были бы прокормить десѣть ртовъ, — послѣ краткаго молчанія отвѣтилъ Бюверъ, — а они не прокармливаютъ и одного.

— Одни только виноградники даютъ хороший доходъ.

— Это вѣрно, но намъ все равно не выбиться изъ бѣдности. Къ тому же, — прибавилъ, помолчавъ, мужикъ: — мои мысли не идутъ выше

Застава на Уанфулинскомъ перевалѣ. По фот. авт. «Нивы».

Японецъ въ зимнемъ костюмѣ. Акварель нашего спеціального корреспондента академика Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Десять дней мученій превратили его въ тѣнь. Мои сыновья сжалились надъ нимъ и пріютили его.

— Онъ еще у васъ?

— Да, онъ останется у меня, сколько захочетъ. Къ тому же, Біару тамъ, гдѣ нѣтъ надежды на богатство, никто не боится разориться, а въ настоящее время у меня хватить хлѣба на лишній ротъ.

Они замолчали. Изъ-за Амнексскихъ лѣсовъ, надъ вершинами Альбанскихъ горъ, словно выскочивъ изъ лѣсной чащи, показалась красноватая луна, точно дивный цвѣтокъ, появившійся на мрачно сплетенныхъ древесныхъ вѣтвяхъ; а на далекихъ горахъ Модены разстилался еще слабый свѣтъ солнца; на этомъ фонѣ, благодаря необычайной прозрачности воздуха, еще можно было различить нѣсколько вѣточекъ или обрывки дыма.

Послѣ обычныхъ вечернихъ пожеланій собесѣдники разошлись. Біару продолжалъ путь къ дому, до котораго было уже недалеко.

На другой день Сюреля нашли въ его горномъ убѣжищѣ. Представители закона окружили его и потащили въ сосѣдній городъ.

Велико было изумленіе жителей горы.

Всѣ знали, что Сюрель былъ бы спасенъ, еслибы въ ихъ средѣ не оказалось низкаго доносчика.

Въ ближайшій праздникъ всѣ окрестные старшины собрались на совѣщаніе. Біару явился туда и отозвалъ въ сторону стараго пастуха Римуэльда:

— Отецъ,—прошепталъ онъ,—я вамъ говорилъ, что кто-нибудь выдастъ его. Развѣ я не былъ правъ?

— Заклинаю тебя счастьемъ твоего дома,—загремѣлъ старикъ,—назови доносчика, или ты сдѣлаешься сообщникомъ лшюна!

— Я никого не хочу губить.

— Тотъ, кто лишаетъ человека свободы, не имѣетъ права на состраданіе!

— Это вѣрно,—пробормоталъ Біару, опутивъ косые глаза и голову съ густыми черными волосами.

— Такъ говори же!—закричалъ Римуэльда.

— Отецъ, въ тотъ вечеръ, когда я съ вами расстался, и узнать, что Сюрель находится въ горахъ близъ моего дома. Бюверъ сказалъ мнѣ, что держать его у себя уже два дня. Выйдя ночью для обработки полей, я увидѣлъ Бювера, бѣгущаго по направленію къ большой дорогѣ.

— Ты можешь по совѣсти подтвердить все, что говоришь?

Біару положилъ руку на сердце и медленно отвѣтилъ:

— Клянусь въ этомъ крестомъ Господа.

А старшины, узнавъ мрачную новость, прокляли безвѣстнаго мужика и приговорили его къ тяжелому наказанію «всеобщимъ молчаніемъ». — къ одинокой жизни среди безмолвствующихъ людей.

Наказаніе началось, но Бюверъ сначала не замѣчалъ его. Это былъ простой, бѣдный мужикъ, неотесанный, какъ кора сосны, ничего не знавшій, кромѣ своего тѣла и своей тѣни, земли и солнца. Онъ шелъ безъ оглядки по тернистому жизненному пути. Десять жалобныхъ голосовъ подбодрили его, и онъ долженъ былъ къ каждому заходу солнца найти пищу для дѣтей своихъ. Вначалѣ молчаніе товарищей не удивило его, потому что самъ онъ не былъ болтливъ; но когда они, съ злыми словами, отказались по-братски помочь ему, какъ это водится среди земледѣльцевъ высокихъ горъ, онъ раскрылъ глаза отъ удивленія и изумленно спросилъ:

— Да что же я вамъ сдѣлалъ?

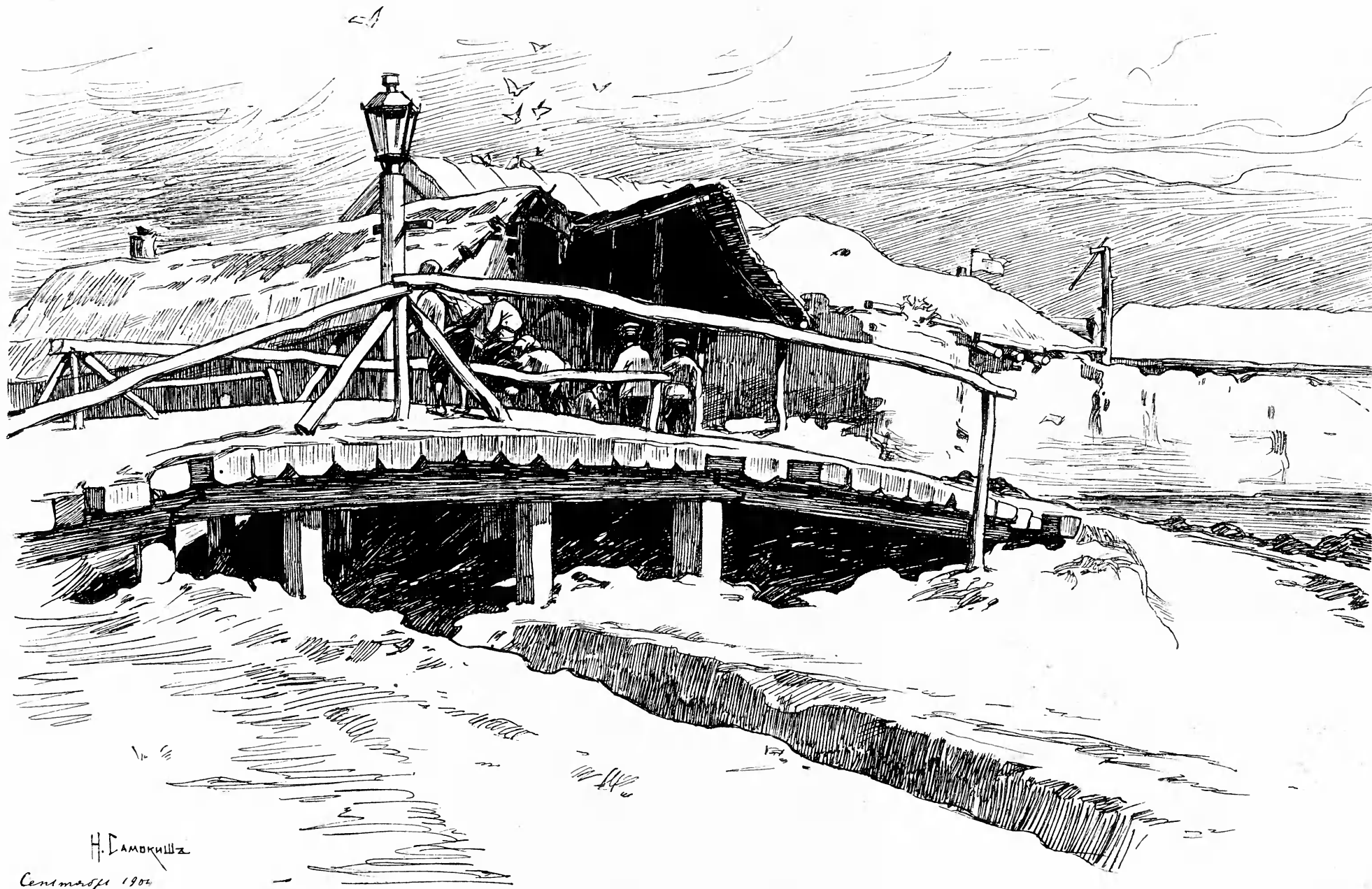
Онъ не получилъ отвѣта, и не разъ пришлось ему возвращаться въ свое одичавшее гнѣздо одному и безъ куска хлѣба.

Однажды, когда онъ стоялъ на крыльцѣ своей хижины, мимо него прошелъ Біару. Два раза окликнулъ его Бюверъ громкимъ голосомъ, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и продолжалъ идти своей дорогой.

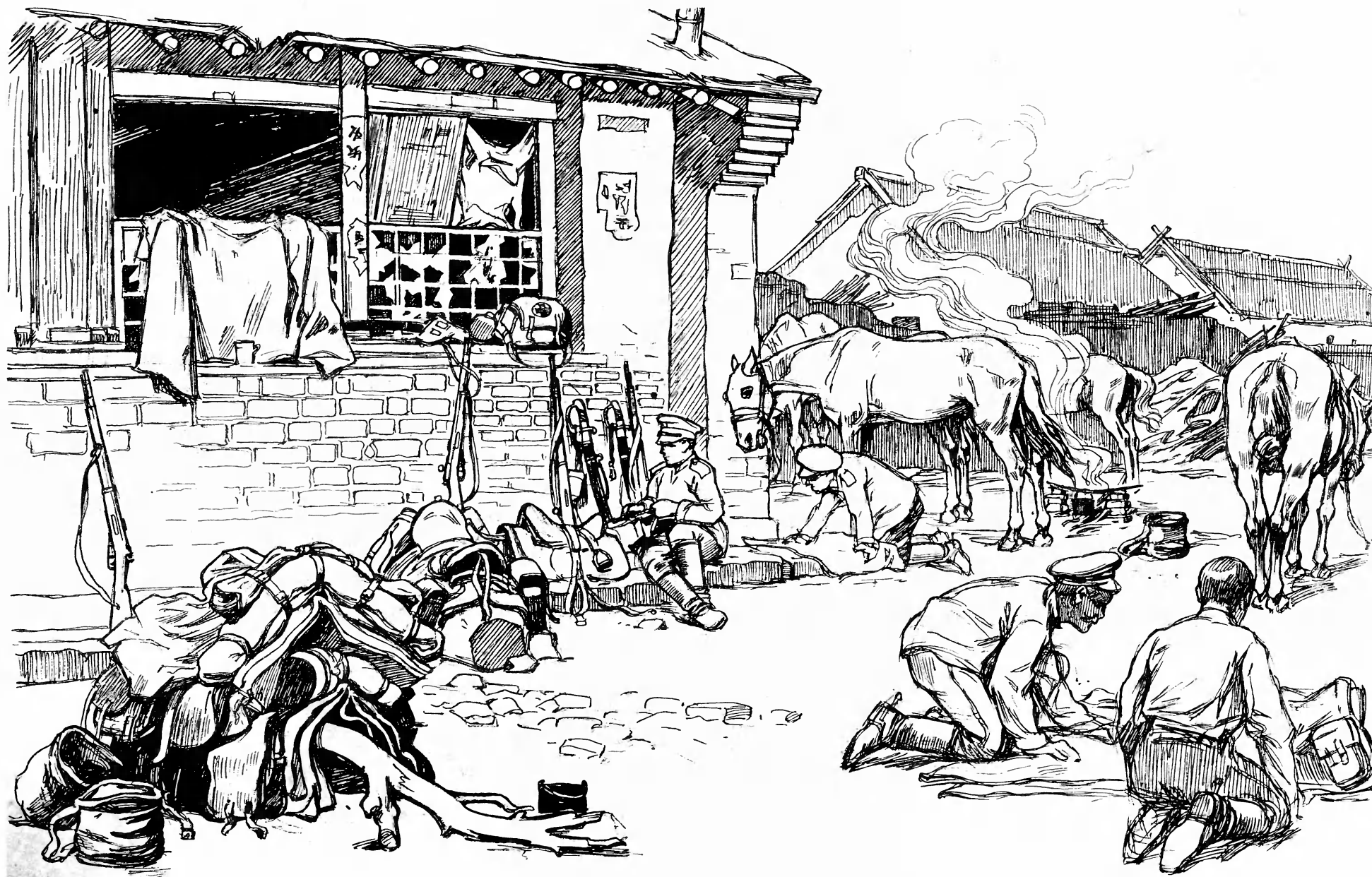
Тогда Бюверъ побѣжалъ за нимъ.

Японецъ въ зимнемъ костюмѣ. Акварель нашего спеціального корреспондента академика Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Мукдень. Поселок. Рисунок нашего специального корреспондента академика Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Н. Самокиш.

Копируй Август 1906

Нѣжинскіе драгуны на Тайцзы-хэ. Просушка амуниціи.

Рисунокъ нашего спеціального корреспондента академика Н. С. Самокиша, арт. «Пшвы».

— Что вы оглохли?—крикнул он, догнав Биару.
— Что вам угодно?
— От вашего высокомерия мне ничего не надо. Я только хотел спросить, почему вы и все другие избегаете меня, как прокаженного и почему никто не хочет и слышать обо мне и о моих малютках?

— Я ничего не знаю.

— Может-быть, вы гнушаетесь моей бедностью? Видит Бог, я никогда ни у кого не украл ни зернышка ячменного. Я потерял двух сыновей...

— Все мы смертны! — ответил Биару.

— Скажи, кто меня оклеветал, заклиная тебя душами твоих покойных родных! — воскликнул Бюверь.

Безобразный человечек с безволосым лицом и косыми глазами отвернулся, не выдержав взгляда товарища, и повторил жалобным голосом:

— Я ничего не знаю.

Тогда Бюверь, видя, что горький приговор все еще тяготит над ним и что товарищи относятся к нему с презрением, попросил старшин поговорить с ним, прежде чем смерть окутает ледяным покровом его и его домашних.

Назначили день свидания на горах Альбы, и старшины направились туда по скалистым дорожкам. Когда Бюверь появился из Амурского леса, все обернулись, чтобы взглянуть на него. Он приближался бегом, бледный, взволнованный; несмотря на ледяной ветер, он был с непокрытой головой, в рубище.

Старцы переглянулись, а Римуэль пробормотал:

— Точно мертвецы!—Другие, молча, кивнули головой в знак согласия.

Когда он выбрался из леса на площадь, и до группы людей,

собравшихся судить его, оставалось лишь несколько шагов, он остановился.

— Я не пришел в назначенный час, — сказал он, — потому что еще один из моих малюток скончался. Трое умерли с тех пор, как вы обрекли меня наказанию, о котором я ничего не знаю. Вы все отняли у меня, и я *должен* знать, почему!

Голос его, хриплый, рвущий, как бури, прозвучал властно и смутил старшин. Тогда Римуэль сказал:

— Ты нарушил закон гостеприимства.

Бюверь сверкнул глазами, судорожно ломая руки.

— Неправда! — сказал он.

А Римуэль продолжал суровым тоном:

— Ты сдвинул шпионом ради денег; ты изменил себе и своему народу; ты оставил в наследство своим сыновьям опозоренное имя, и старшины потому лишь пощадил тебя, что у тебя есть дети.

Бюверь, казался окаменевшим от страдания в то

время, как старик с спокойной торжественностью трагически перечислял проступки, которые довели обвиняемого до полного одиночества, сдвинул из него презрительный зритель толпы грубых людей, еще повиновавшихся своим древним законам.

А он стоял, молча, среди торжественного собрания старцев, и охваченный ужасом, казалось, думал только о том, куда бы бежать, как человек, обезумевший от непредвиденной бури.

Он не склонил чела. Его суровые глаза смотрели прямо в лицо суды, но мышцы дрожали в его костлявом, внезапно потемневшем лице.

Наступило молчание. Бюверь сиделся говорить, но голос не повиновался ему и только какое-то рычание вырывалось из его

47-й сибирский военно-санитарный поезд и его персонал. По фот. авт. «Нивы».

Первый отряд братства милосердия во имя Христа, отправившийся на Дальний Восток 27-го января с. г.
По фот. П. Жукова (Шапиро), авт. «Нивы».

Ложная японская батарея, выставленная против Путиловской сопки.

Рисунок нашего специального корреспондента В. А. Табурина, авт. «Нивы».

Капитанъ 33-го вост.-сиб. стр. полка Свистуновъ, раненый въ двухъ бояхъ и получившій двѣ награды, и сынъ его, отправившійся добровольцемъ, получившій 2 георгиевскихъ креста и офицерскій чинъ.

въ половецье, сильна, какъ люта́я смерть, непреоборима».

А во время наступившаго послѣ этихъ словъ молчания къ Римульдъ подошла какая-то женщина, прятая за кустами, пока другіе говорили (женщины не имѣли права присутствовать въ собраніи), и сказала:

— Я хочу съ вами поговорить.

Старикъ отошелъ въ сторону, и когда онъ, немного спустя, вернулся, то сказалъ Бюверю:

— Приходи завтра на площадь, и ты будешь отпущенъ.

Тогда Бюверъ, склонивъ гордую голову, вылакалъ все свое горе.

На площадь на другой день собрался весь народъ изъ Сант-Бенедетто, сошлись всѣ жители Амнекекскихъ лѣсовъ и Альбанскихъ горъ. Драма произошла въ сумракъ осенняго вечера.

Шесть человекъ были вооружены ружьями и переговаривались шепотомъ. Въ толпѣ замѣчалось нервное ожиданіе, и взоры блуждали по окрестностямъ, отыскивая кого-то.

Вдругъ тѣ, что были помоложе, прошептали:

— Вотъ онъ, вотъ онъ! Идетъ! Онъ на дорожкѣ, онъ сворачиваетъ направо, видите?

— Да, мы видимъ его,—сказали старцы.

Снова наступило молчаніе, и только издали доносились звуки свирѣли; то игралъ какой-то пастухъ, пробравшійся со своимъ стадомъ сквозь туманъ по горамъ.

Человѣкъ, котораго всѣ ждали, поровнялся съ передними группами, приветливо улыбаясь. Когда онъ прошелъ мимо вооруженной толпы, онъ услышалъ громкій, трагическій крикъ сотни голосовъ:

— Біару, Біару,—подлецы, берегитесь!

И пока онъ поворачивалъ маленькую, безобразную голову съ косыми глазами и складывалъ въ улыбку слюнявый ротъ, шесть ружей прицѣлились въ него и уложили его на мѣстѣ.

Когда глаза его сдѣлались мутными, какъ тѣнь болотныхъ водъ, нѣсколько молодыхъ людей приблизились къ нему, чтобъ убрать его. Но ихъ остановилъ крикъ:

— Оставьте его! Земля не хоронитъ плѣнниковъ!

И собраніе разсѣялось, направляясь при багровомъ свѣтѣ сумрака къ одинокимъ вершинамъ.

Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ. (Портр. на стр. 200).

Кавказъ получилъ новаго высшаго представителя верховной власти. Высочайшимъ указомъ назначенъ на вновь возстановленный постъ наместника Кавказа бывшій министр Император-

усть. Нѣсколько сѣдыхъ головъ склонились въ раздумьѣ, охваченныя сомнѣніемъ.

Справившись съ первымъ наплывомъ чувствъ, обвиняемый заговорилъ и въ немногихъ словахъ излилъ всю свою душу.

— Я приотилъ Сюреля. Клянусь душами моихъ покойныхъ дѣтей, клянусь оставшимися въ живыхъ сыновьями моими, клянусь—и да разразится надъ головой моею Божій громъ—я не шпионъ!

Онъ сказалъ это такъ гордо и трогательно, что никто не усомнился въ истинѣ его словъ. Истина—порывъ, съ которымъ нельзя совладать: она, «какъ рѣка

скаго Двора и удѣловъ графъ Паларіонъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ, одинъ изъ извѣстѣйшихъ и популярѣйшихъ высшихъ государственныхъ дѣятелей Россіи.

Въ настоящее время Кавказъ находится въ серьезномъ, неблагоприятномъ положеніи. Часто происходившіе тамъ грабежи, убійства, разбои нѣвольно приводятъ къ той мысли, что покоренный и замиренный ибкогда край нуждается въ новомъ замиреніи. И вотъ именно эта серьезная, отвѣтственная и исполненная особой государственной важности миссія и возложена теперь на графа И. И. Воронцова-Дашкова, имя котораго пользуется на Кавказѣ извѣстностью, глубокимъ уваженіемъ и гордой любовью.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 26-го февраля графу И. И. Воронцову-Дашкову, говорится:

«Со времени включенія Кавказа въ составъ Россійской Имперіи, Императоръ Моихъ Внученосныхъ предшественниковъ и Моею поставлено было развитіе въ этомъ край мѣра, благосостоянія и порядка на основахъ тѣснаго единенія съ остальными частями нашего Отечества.

«Достигнутые въ этомъ отношеніи успѣхи, отмѣченные общимъ подъемомъ благосостоянія кавказскаго населенія и выдающимися трудами многихъ уроженцевъ Кавказа на пользу и честь Россіи, къ прискорбію Моему въ послѣднее время омрачились взаимными столкновениями отдѣльныхъ народностей, случаями неповиновенія

властямъ и безпорядками, нарушавшими спокойное теченіе жизни.

«Придавая всѣмъ симъ непорядкамъ значеніе временныхъ явленій, признаю необходимымъ безотлагательно водворить на Кавказѣ спокойствіе, дабы приобщить и этотъ край къ внутренней созидательной работѣ, предпринимаемой нынѣ въ государствѣ нашемъ по Моимъ предначертаніямъ, и въ

„Савицкій и его два сына, это—моя портъ-артурская гвардія“ (слова генералъ-адъютанта Стесселя). Командиръ 14-го вост.-сибир. стрѣлковаго полка генералъ-маіоръ В. Савицкій и оба сына его, поручикъ того же полка Е. Савицкій и заурядъ-прапорщикъ того же полка В. Савицкій — георгиевскіе кавалеры; оба сына поочередно посылались отцомъ на отважнѣйшія вылазки и отличились въ бояхъ.

Заамурцы-пограничники—ефрейторъ Кумпанъ и рядовой Царанъ, бывшіе въ плѣну у японцевъ и бѣжавшіе изъ плѣна. По фот. авт. «Нпвы».

этих цѣлехъ назначаю Я васъ Моимъ намѣстникомъ кавказскимъ.

«Ваше знаніе этого края, вынесенное изъ предшествующей службы на Кавказѣ, многосторонняя государственная опытность и испытанные труды на пользу родины даютъ Мнѣ твердую увѣренность, что поставленную вамъ нынѣ задачу вы успешно осуществите, вѣстрячая дружное содѣйствіе благомыслящихъ лю-

дей свои послѣдующіе оберъ-офицерскіе чины (до ротмистра включительно) добыты въ безпрестанныхъ бояхъ.

Въ 1865 г., уже въ чинѣ полковника, графъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ среднюю Азію и принялъ тамъ участіе въ бою подъ Мурза-Арабатомъ и въ штурмѣ крѣпости Уратюбе. Затѣмъ, въ 1868 г. былъ произведенъ въ генералъ-майора и назначенъ помощникомъ губернатора Туркестанской области.

Сестра милосердія А. П. Альбрехтъ, завѣдующая складомъ и лазаретомъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны для сестеръ милосердія.

Общій видъ лазарета казанскаго дворянства на ст. Шуанмяодзы и его персоналъ. Налѣво, крайній—старшій врачъ Э. Грюнеръ. По фот. авт. «Нивы».

Г. Голубевъ, щедрый жертвователь и устроитель продовольственныхъ пунктовъ во многихъ мѣстахъ дѣйствующей манчжурской арміи.

дей всѣхъ сословій и народностей кавказскаго населенія».

Шестидесять лѣтъ тому назадъ членъ той же фамиліи, графъ М. С. Воронцовъ, былъ назначенъ на Кавказъ тоже намѣстникомъ и почти при такихъ же трудныхъ обстоятельствахъ, какъ и теперь. Весь край былъ охваченъ возстаніемъ, русская правительственная власть и русское вліяніе были принижены, и даже была уничтожена линия черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій.

Графъ М. С. Воронцовъ, прибывъ на Кавказъ намѣстникомъ,

поставилъ все дѣло успокоенія края на новый путь и достигъ огромныхъ по своей важности результатовъ. Онъ привлекъ мѣстные силы на сторону Россіи и своимъ тактичнымъ и мягкимъ обращеніемъ съ туземцами достигъ того, что они стали считать его истиннымъ своимъ другомъ, оказавъ полное довѣріе и предупредительность его благимъ начинаніямъ.

Время его намѣстничества составило незабываемую донинѣ на Кавказѣ «воронцовскую эпоху».

Въ настоящее время «воронцовская эпоха» снова возрождается для Кавказа: гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ является вторымъ дѣйтелемъ этой возрожденной эпохи и къ тому же дѣйтелемъ, уже хорошо известнымъ Кавказу: въ молодые годы онъ служилъ на Кавказѣ, и до сихъ поръ тамъ сохраняются самыя добрыя воспоминанія о графѣ, о его добротѣ, доступности и рѣдкой заботливости о подчиненныхъ и о ввѣренныхъ ему дѣлахъ. Назначеніе гр. И. И. Воронцова-Дашкова на Кавказъ несомнѣнно будетъ встрѣчено тамъ съ искреннимъ восторгомъ.

Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ родился въ 1837 году. Пробывъ некоторое время студентомъ московскаго университета, онъ поступилъ въ 1856 г. вольноопредѣляющимся въ л.-гв. Конный полкъ, а въ 1859 г. отправился на Кавказъ, гдѣ и былъ назначенъ сначала адъютантомъ намѣстника кавказскаго, а затѣмъ командиромъ конвоя главнокомандующаго. На Кавказѣ гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ три года сряду участвовалъ въ цѣломъ рядѣ экспедицій противъ горцевъ и

послѣ того гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ командовалъ различными частями войскъ, а по востшествіи на престолъ императора Александра III, въ 1881 г., графу было ввѣрено управленіе государственнымъ коннозаводствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ на высокій постъ министра Императорскаго Двора и удѣловъ. Подъ управленіемъ графа оба эти вѣдомства существенно измѣнились къ лучшему, причемъ графъ выдѣлилъ и усилилъ контроль министерства Двора.

Вѣра Александровна Стессель, стойко выдержавшая вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, генералъ-адъютантомъ А. М. Стесселемъ, всю осаду Портъ-Артура и руководившая помощью больнымъ и раненымъ воинамъ. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

пребываніе и лѣченіе въ знаменитомъ рабъ будутъ бесплатно предоставлены также и квартиры, но послѣднія будутъ свободны лишь съ 17 апрѣля по 2 июня и съ 2 августа по 18 сентября (старого стиля). Главное управленіе Крас-

Въ удѣльныхъ имѣніяхъ, по инициативѣ графа, получило значительное развитіе виноградарство и винодѣліе, и были приобретены богатыя имѣнія «Массандра» и «Ай-Даниль». По его же инициативѣ, въ 1885 г. учреждено собственное страхование удѣльныхъ имуществъ.

Въ 1893 году гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ былъ назначенъ председателемъ комитета для разсмотрѣнія представленій къ наградамъ. Съ 1890 г. графъ состоитъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи.

Къ мѣсту своего назначенія гр. И. И. выѣзжаетъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Слѣдуетъ отъ всей души приветствовать это назначеніе, являющееся вѣщомъ блестящей и разносторонней административной дѣятельности графа И. И. Воронцова-Дашкова.

СМѢСЬ.

Курортъ для русскихъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ. Къ предстоящему сезону за границей открывается еще одинъ бесплатный курортъ для лѣченія и ухода за больными и ранеными офицерами русской арміи.

По инициативѣ д-ра Вербатуса, саксонское правительство рѣшило безвозмездно предоставить извѣстному числу русскихъ офицеровъ курортъ Эльстеръ. Офицерамъ будутъ бесплатно предоставлены также и квартиры, но послѣднія будутъ свободны лишь съ 17 апрѣля по 2 июня и съ 2 августа по 18 сентября (старого стиля). Главное управленіе Крас-

наго Креста въ С.-Петербургѣ съ благодарностью приняло предложение саксонскаго правительства о приѣмѣ въ Эльстеръ русскихъ офицеровъ, и нужно надѣяться, что, съ своей стороны, не откажется въ посредничествѣ и выдачѣ справокъ нуждающимся и заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ.

Эльстеръ принадлежитъ къ самымъ благоустроеннымъ и наиболѣе посѣждаемымъ грязевымъ курортамъ и расположенъ на лѣсныхъ горахъ, на 491 м. надъ уровнемъ моря въ юго-восточной части Саксонскаго королевства. Курортъ этотъ славится цѣлебностью своихъ источниковъ, среди которыхъ особенно выдается кислородный источникъ, содержащій желѣзо и глауберову соль. Кромѣ грязевыхъ и минеральныхъ ваннъ въ Эльстерѣ имѣются еще углекислые, содовые, электрическія и прочія ванны.

За справками надо обращаться по слѣдующему адресу:

Доктору Вербатусу. Калужской губ., станція Шитово, имѣніе Немерски. А съ апрѣля текущаго года: курортъ Эльстеръ, Саксонія. Можно писать на русскомъ языкѣ.

Несомѣнно, что любезное приглашеніе, исходящее отъ саксонскаго курорта, встрѣтитъ живой откликъ у русскихъ офицеровъ и военныхъ врачей, раненыхъ и заболѣвшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Къ наблюдателямъ природы. — По примѣру прежнихъ лѣтъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ обращается ко всѣмъ наблюдателямъ природы съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ присылкѣ своевременныхъ (или общихъ, по окончаніи весны) сообщеній о времени появленія въ нихъ мѣстности тѣхъ или другихъ птицъ, насекомыхъ и другихъ животныхъ, отсутствовавшихъ въ зимнее время, о времени зацвѣтанія весеннихъ цвѣтовъ, зеленѣнія и цвѣтенія древесныхъ и кустарныхъ растений, вскрытія рѣкъ, начала полевыхъ работъ, первой весенней грозы и проч. Въ особенности желательно имѣть изъ возможно большого числа мѣстностей свѣдѣнія о дняхъ, въ которые произошло: 1) появленіе первыхъ перелетныхъ птицъ; 2) зацвѣтаніе перваго весенняго цвѣтка (если названіе цвѣтка неизвѣстно — приложить его къ письму); 3) прилетъ аистовъ; 4) вскрытіе мѣстныхъ рѣкъ; 5) начало зеленѣнія кустовъ крыжовника; 6) появленіе ласточекъ; 7) начало зеленѣнія перваго дерева (появленіе зеленой «дымки»); если названіе дерева неизвѣстно — прислать отъ него листъ; 8) начало цвѣтенія фруктовыхъ деревьевъ; 9) первое кукованіе кукушки; 10) первая пѣсня соловья; 11) первый крикъ перепела; 12) первый крикъ коростеля (дергача); 13) начало зацвѣтанія сирени; 14) начало отцвѣтанія сирени (начало опаданія пѣточекъ съ кистей) и 15) начало зацвѣтанія шиповника.

Намѣстникъ Кавказа графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

По фот. Левинскаго, авт. «Нивы».

Можно сообщать открытыми письмами (также и на нѣмецкомъ языкѣ), но только не анонимными — безъ подписи или съ уменьшенно-неразборчивою подписью (анонимныя сообщенія, какъ не заслуживающія довѣрія, уничтожаются непрочитанными). Долгательныхъ писемъ также не присылать. При каждомъ письменномъ сообщеніи необходимъ адресъ отправителя, а въ заголовкѣ обозначать губернію и уѣздъ, въ которыхъ наблюдались сообщаемыя явленія (исключая сообщеній изъ губернскихъ городовъ); также необходима пометка времени (годъ и число мѣсяца), когда сообщеніе отправлено.

Адресъ необходимъ для перѣдко встрѣчаемой необходимости въ дополнительныхъ вопросахъ и разъясненіяхъ; отсутствіе же при письмѣ показанія губерніи и уѣзда, а также времени отправленія письма, чрезвычайно затрудняетъ сортировку и дальнѣйшую обработку получаемыхъ многочисленныхъ сообщеній. Сообщающимъ съ желѣзнодорожныхъ станцій также покорнѣйшая просьба: обозначать губернію и уѣздъ, въ которыхъ расположена данная станція.

Адресъ для писемъ: С.-Петербургъ, Лѣсной институтъ, профессору Дм. Никиф. Кайгородову; для телеграммъ: Петербургъ, Лѣсной, Кайгородову.

Критскія марки. — Правительство острова Крита недавно рѣшило выпустить въ свѣтъ почтовые марки новаго, въ высшей степени оригинальнаго и художественнаго образца.

Въ то время, какъ большинство этихъ почтовыхъ «знаковъ оплаты» въ разныхъ странахъ носятъ на себѣ изображенія безразличнаго характера, критскія марки получаютъ строго-національный характеръ и будутъ имѣть изображенія старинныхъ критскихъ монетъ и мѣстныхъ историческихъ памятниковъ. Такимъ образомъ, это будутъ марки поистинѣ «классическія».

Марка новаго образца въ 10 лентъ имѣетъ портретъ пылваго правителя Крита, королевича греческаго Георга. На другихъ маркахъ изображены виды острова Крита и развалины дворца царя Миноса въ Кнозосѣ.

Большинство остальныхъ марокъ (въ 1 драхму, въ 2, 5, 20 и 50 лентъ) воспроизводятъ, какъ сказано выше, старинныя монеты. Монеты эти, съ первыми, свѣдѣнными временемъ краями, въ свою очередь, имѣютъ изображенія мнѳологическихъ божествъ. Такъ, на одной изъ нихъ мы видимъ Европу, сидящую на быкѣ, на другой — Диану, стрѣляющую изъ лука, на остальныхъ: Тритона, потирающаго трезубцемъ Юпитера, вскармливаемаго собакой, голову Ариадны, Бритомартиса, сидящаго на старомъ вѣзѣ и пр.

Новыя марки отличаются тонкою художественностью исполненія и, нѣвѣрное, придутъ по вкусу коллекціонерамъ-любителямъ.

Пожертвованія.

Съ 15-го января по 28-е февраля включительно прислали въ редакцію пожертвованія:

Въ пользу защитниковъ Портъ-Артура: Н. Сабаньева 10 р.; Ф. Н. Некрасовъ 5 р.; Г. Н. Савиловъ 3 р.; по 1 р.: Д. А. Виноградовъ, В. Д. Александровъ, ученики 4-го отд. Волчанскаго 20-хъ кл. М. Н. Н. учил.; по 50 к.: Костриковъ, А. А. Савиловскій, А. Д. Мясоедовъ 30 к.

Въ пользу раненыхъ: подписчикъ № 110.601 25 р.; нижеше чины Курганской мѣст. конв. ком. 15 р.; по 10 р.: свѣщ. о. І. Павловъ, жена свѣщ. А. Глазголева; приложене Масловской ц. 6 р.; В. Н. Воеводенко (25% сборъ съ выигрыша въ карты) 5 р. 62 к.; по 4 р.: жена свѣщ. А. Глазголева, ученики и учащіяся церк. школы с. Павлушкина, ученики и ученики Ольшанскаго нар. учил.; ученики Незамаевской муж. ц.-пр. шк. 3 р. 66 к.; по 3 р.: А. Н. Володина, ученики второклассной школы въ м. Бѣлозерскѣ; учащіяся Волчанской Соборной ц.-пр. шк. 2 р. 29 к.; ученики Запольской-Георгиевской ц. 2 р. 10 к.; Ю. Н. Тумановъ 2 р.; ученики Боговладенскаго прих. учил. 1 р. 50 к.; по 1 р.: А. В. Титовъ, А. С. Рязановъ, псал. А. Н. Державинъ; по 50 к.: Т. С. Силина, подписчикъ М. Г., В. А. Пурковъ 45 к.; А. Д. Мясоедовъ 30 к.

Въ пользу вдовъ и сиротъ: подписчикъ № 110.601 25 р.; О. М. Сибиряковъ 17 р.; Е. А. Ивановъ 10 р.; причтъ и приложене Омельянской церкви 2 р. 85 к.; по 2 р.: Катикеровъ, Е. Н. Шелленовъ; учащіяся Волчанской Соборной ц.-пр. шк. 1 р. 45 к.; по 1 р.: Ю. Н. Тумановъ, А. С. Рязановъ, А. Д. Мясоедовъ 30 к.

На нужды дѣйствующей арміи: жена свѣщ. А. Глазголева 4 руб.; Г. Герасимовъ 2 р.; по 1 р.: И. Привалъ, К. Веленко, И. Грофимкинъ, Н. Тарандымъ, Н. Турниковъ, С. Жаларовъ, О. Хадитовъ, Ф. Поздникъ, Ф. Асеровъ, Т. Доронинъ, М. В. А.; Ю. Н. Тумановъ 35 к.; А. Д. Мясоедовъ 30 к.; Н. С. Пригодовъ 25 к.

На усиленіе флота: Приложене Преображенской ц. с. Энгельгардтъ-Васильевъ 57 р.; ученики Брыканской зем. шк. 3 р. 50 к.; приложене Масловской ц. 3 р.; учащіяся Оршанской ц.-пр. шк. 2 р. 45 к.; К. Рязанъ 1 р. 15 к.; по 1 р.: М. В. А., Н. Н. Гуринъ, И. Г. Шкабануръ; А. Д. Мясоедовъ 30 к.

На стипендію имени капитана Кладовъ: Н. Сабаньева 3 р.

Итого 282 р. 12 к. съ прежде поступившими 18.741 р. 09 к.

Содержаніе.

ТЕКСТЫ: Въ навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Визъ по рѣкѣ. Стих. В. С. Лихачова. — Корея. — Кореяцы въ русской школѣ. — Доносчикъ. Разсказъ А. Бельтрамелли. — Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ. — Смѣсь. — Пожертвованія. — Объявленія.

РИСУНКИ: Этьюдъ Ф. Ленбаха. — Луная соната (Quasi una fantasia). — Консультация. — Послѣдній смѣхъ. — Офицеры дивизіона развѣдчиковъ за вечернимъ чаемъ въ Чинсамунѣ. — Кореянка пѣвица («Кисень»). — Кореянка ладья въ Гензанѣ. — Эмилия Броунъ, императрица корейская. — Улица въ Сеулѣ. — Кимъ, сеулскій полиціймейстеръ. — Кореяцы въ русской школѣ для взрослыхъ при Кирилло-Медовѣвскомъ училищѣ въ Лерми. — Японскій транспортъ. — Застава на Уанфулинскомъ перевалѣ. — Японцы въ зимнемъ костюмѣ. — Мукденъ. — Нѣжинскіе драгуны на Тайцзы-хэ. — Просушка амуниціи. — 47-ой сибирскій военно-санитарный полкъ и его персоналъ. — Первый отрядъ братства милосердія во имя Христа, отправившіяся на Дальній Востокъ 27-го января с. г. — Ложная японская батарея, выставленная противъ Путиловской сопки. — Капитанъ Свистуновъ съ сыномъ. — Саеицки и его два сына. — Заамурцы-пограничники — ефрейторъ Купманъ и рядовой Царанъ, бывшіе въ плѣну у японцевъ и ѣзжавшіе изъ плѣна. — Сестра милосердія А. П. Альбрехтъ. — Общи видъ лазарета казанскаго дворянства на ст. Шанямудзы и его персоналъ. — Г. Голубевъ. — В. А. Стессель. — Намѣстникъ Кавказа графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 25.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ журнала, Контора «Нивы» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1905 г., озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки. — Гг. иногородніе подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. И. Свѣтловъ.

